

СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И СФЕРА ПОДГОТОВКИ ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается совокупность ближайших, среднесрочных и отдаленных последствий для средней и высшей школы России смены приоритетов международного сотрудничества. Дидактика как теория обучения, соответствующая этим изменениям, ориентируется на специфическую трансформацию национальной системы образования. Анализируются отдельные методы преподавания и приемы контроля, апробируемые сегодня. Описано также усиление «восточного вектора» развития российского образования с точки зрения общих принципов его функционирования.

Ключевые слова. Принципы обучения, международное сотрудничество, российская внешняя политика и национальная система образования.

Смена приоритетов – это система воздействия большой группы факторов на сложившиеся практики как повседневного жизнеобеспечения, так и направления подготовки специалистов в элитарных сферах творческой деятельности. Смена же политических приоритетов затрагивает все области общественной жизни, от сложившейся практики экономического сотрудничества, характера установок, транслируемых СМИ и социально-психологических характеристик предпочтенных идеалов общественной жизни. Одним словом, она влечет за собой пересмотр функционирования всех узловых точек ранее сложившейся творческой деятельности. И это вытекает из интегрирующих посылок, определяющих любой участок общественной деятельности, включая и усилия педагогического процесса.

Как сказывается эта смена на жизни российских педагогов в системе среднего и высшего образования? Прежде всего, она проявляется в росте количества часов, отводимых на «горловую» нагрузку преподавателя вуза и на стремлении педагогов средней школы выработать полторы-две среднестатистические ставки, чтобы сохранить относительную комфортность существования в условиях роста цен и девальвации рубля по отношению к доллару и евро. Как следствие, трансляционно-исполнительская часть педагогической работы расширяется, объективно сокращая время для разумных форм релаксации педагога и повышения его творческих

¹ silvari@mail.ru

возможностей в ходе самостоятельной работы над научными и методическими проблемами.

Параллельно политика экономии средств, проводимая вузами и школами, сокращает возможности оплаты из государственных и общественных средств участия педагогов всех уровней в творческих встречах на научно-практических конференциях как внутри страны, так и за границей. Возможно, для условий мегаполисов, где научно-педагогическая жизнь отличается высокой степенью разнообразия, это проходит сравнительно незаметно. Для школ и вузов в провинции по существу оставлена единственная возможность – общение с коллегами по Интернету, что никогда не заменит непосредственного межличностного общения. Скайп – лишь имитация непосредственности, а не ее осуществление; хотя бы потому, что в нем неизбежны «третьи лишние», делающие результаты и последствия общения «двоих» малопредсказуемыми с точки зрения их негативного использования.

Появляются проекты записать все курсы лекций всех профессоров, академиков и доцентов в аудиовизуальные версии и транслировать их студентам – либо в больших аудиториях, либо через персональные компьютеры, расширяющие несомненно возможности выбора, принятия и освоения обязательной программной информации. Здесь по существу возрождается версия замены «театра в живую» радио- или телеспектаклем или экранизацией той или иной постановки. Но педагогический труд включает в качестве неперменной составляющей (даже как-то неловко напоминать об этом организаторам подобных проектов) компоненту непосредственного общения с индивидуально неповторимой личностью. Утрата этой составляющей влечет за собой закрепление шаблонов операциональной деятельности. Последнее необходимо для обретения уверенности автоматизма, но исключает развитие навыков свободы импровизации, без которых невозможны сколько-нибудь содержательные творческие успехи. Разумеется, верно и другое: неглубокое освоение фундаментального основания тех или иных навыков приводит к импровизациям как самоцели. Как отмечает сегодня международная пресса, это стало заметным в последнее десятилетие на концертах всемирно известного пианиста ЛангЛанга. Наверное, и в других сферах (возможно, не столь доступных массовой публике) имеют место сходные процессы. Глубина постижения сути деятельности, с которой связана вся жизнь творца, реализуется в сообщающихся сосудах, обеспечивающих свободу выражения достигнутого уровня знания. Видимо, понимая это, авторы разбираемого аудиовизуального проекта предлагают «шлифовать» знания установочной лекции на практических занятиях, проводимых как самими профессорами, так и более многочисленным отрядом их помощников-ассистентов. При этом имплицитно предполагается, что последние в состоянии не просто объяснить и показать более или менее наглядно и на примерах содержание лекции «экранный лектора», но и разъяснить ее «закадровые смыслы». Полагаю, что здесь мы имеем дело с педагогической утопией. Если конечно, как в надписи В.А. Жуковского на своем портрете,

подаренном им победителю-ученику А.С. Пушкину, ученик не превзошел уже профессора. Такая мечта свойственна добросовестным и независтливым педагогам высокого класса. Но как часто она реализуется в жизни? Между тем, поручение ассистенту раскрытия «закадрового смысла» предполагает по существу исходное превосходство ученика над учителем. Известно, что функции ассистента совсем в другом – учить осваивать стандартные приемы и ситуации, которых полным-полно во всех областях педагогической работы, - от обучения навыкам счета и речи до конструирования из готовых элементов принципиально новых машин и теоретических моделей. Более того. В некоторых отраслях образования студента не допускают даже до ассистента, пока он не «сдаст» машине необходимый уровень устойчивых стандартных знаний. Так, например в обучении будущего медика на первом курсе темы: «Костный скелет человека», «Мышцы», «Внутренние органы», «Основные элементы нервной системы» отрабатываются путем осознания и запоминания основных элементов той или другой системы в их устойчивых отношениях. Лишь когда студент освоит это почти назубок, правильно нажимая 96-97 кнопок ответов, его допускают в учебную аудиторию, где развертывается рассказ о функционировании каждой из ранее изученных систем в соотношении их элементов, а затем на более сложном уровне – взаимодействие самих систем друг с другом. Причем демонстрируются не только картинки в самых различных, подчас невероятных, проекциях, но и проводятся занятия на анатомических препаратах и муляжах, дающих объемные представления о реальном положении основных элементов каждой из перечисленных систем. Лекция же профессора предполагает, - если и не формирование любви к анатомии как предмету пожизненных занятий медика-неофита, - то, по крайней мере, обеспечение чувства исключительной значимости этого предварительного аспекта медицины для всех медиков и объекта преимущественных или исключительных занятий для прозектора, патологоанатома или практикующего хирурга. Наиболее ответственные из них всю жизнь предварительно отрабатывают методику операций на трупах, прежде чем решиться приступить к операции на пациенте. Исключения допускаются лишь в случаях, когда оператор вполне уверен в стандартности предстоящих ему манипуляций. Но даже здесь его время от времени встречают неожиданности, требующие стремительного принятия верных решений и моментального изменения ранее намеченного плана хирургического вмешательства. Полагаю, что сходная задача стоит перед актером, работающим в прямом эфире; перед театральной труппой, учитывающей непредвиденное изменение ситуации на сцене или настроение публики в зале. Аналогично отвечает талантливый лектор на острый вопрос школьника или студента, изменяя заблаговременно составленный план урока и тем самым включая в орбиту своего интеллектуального влияния живые ростки любознательности школьников и студентов [1, с.130-139].

Поэтому идея неизменного транслирования одной и той же записи одной и той же темы - продукт мертворожденного схематизма бюрократов от вузовской педагогики, давно либо никогда не преподававших «живую». А то

и просто «эффективных менеджеров» от образования, назначенных руководить при минимальном педагогическом стаже или при отсутствии последнего. Ведь изменение приоритетов в образовании (как и в стране в целом) осуществляется методом «ручного управления», не имея под собой ни исторически созревших предпосылок, ни системной реорганизации, ни продуманной стратегии. Это по существу спазматическая реакция на выявившуюся нехватку средств для продолжения политики планомерной реорганизации всей системы социумной деятельности с задачей адекватно вписаться с складывающиеся для страны геополитические, экономические, технологические и кадровые реальности. Особенно если учитывать в последних сохраняющуюся тенденцию оттока творческого потенциала как во внешнюю эмиграцию, так и уход в сферы услуги политической элиты. Для молодого человека из небогатой семьи, лишенного «мохнатой лапы» чиновничьей поддержки, открыты лишь три социальных лифта – чиновничий, в силовых структурах и в структурах религиозных. Востребованность же в каждой из них творческого потенциала жестко лимитирована исходными идеологическими, структурными и догматическими лекалами, отсекающими любого, обнаруживающего нестандартность видения мира и нравственную непластичность. Собственно наука, творчество, культура остается профинансированными по остаточному принципу. Даже если номинальные показатели госбюджетных и корпоративных расходов на эти цели обнаруживают количественный рост, инфляционные тенденции и стремительное удорожание контактов с ближним и дальним зарубежьем обнаруживают тенденцию к сокращению реального веса расходуемой на эти цели рублевой массы. Дефицит же валютной все более заметно проявляет себя во всех направлениях. Отсюда – бесконечные способы чиновничьей имитации деятельности, главным образом в сфере планотворчества, программоснащенности и контроля бюрократических инстанций за каждым шагом их исполнения.

Например, преподавание курса традиционной формальной логики предусматривает отдельную специализированную программу для каждого из гуманитарных факультетов: логика для юристов, логика для журналистов, логика для историков и т.д. Искушенному преподавателю, разумеется, нетрудно обратить внимание на возможности осуществления подобной специализации. Однако за ее подробностями незаметно профанируется содержание существа предмета, при этом сокращается учебное время для его преподавания. Кроме того, первоначальные шаги в этом направлении предполагали строгие рейтинговые замеры показателей, относящихся к усвоению студентами знания. Например, 16-часовой лекционный курс традиционной формальной логики предусматривал три рейтинговых замера, то есть выявление степени освоенности материала, уложенного меньше чем с три лекции. Затем обнаруживается, что проверка рейтинговых работ, каждая из которых предусматривает 0,33 часа учебного времени на каждого студента, стремительно увеличивает цифры отчетности, характеризующей объем преподавательской работы. Так, при учебном потоке в 100 человек

преподаватель дополнительно к 16 часам лекции должен записать 100 часов за проверку контрольных работ. А если на учебном потоке 200 человек, то и 200 часов. Понятно, что следующий шаг бюрократических инстанций состоит в том, чтобы аннулировать или минимизировать время, отводимое на эту часть работы. Можно, разумеется, не записывать в учебную нагрузку время, отведенное на зачет по курсу. То есть студент отчитывается за его усвоение отдельными порциями, недостаточно основательно связанными между собою, каждый раз – за материал, меньший по содержанию, чем то, что уложены в 3 лекции. Или, чтобы сэкономить на преподавателях, обязать их не записывать число часов, потраченное на зачеты и экзамены, превратив их тем самым в пустую формальность. Или же читать учебные курсы, проставляя по их окончании зачеты и экзамены без выделения специального времени на подготовку и самостоятельную проработку прочитанного учебного курса. Любопытный студент, изначально ориентированный на творческое освоение учебной программы, так и делает. Но объем внебюджетных мест (то есть платного обучения) растет. А с его ростом сокращается и возможность обучения в вузах выходцев из семей, не имеющих средств для оплаты 4-6-ти годичного обучения. Богатые же чувствуют себя вправе получать «проходные» оценки за сам факт оплаты обучения. Растет число пропусков учебных занятий. А с ним, понятно, снижается и качество приобретаемых знаний, а значит и «вес» вузовского диплома (включая, понятно, и университетский).

В результате описанных тенденций высшее образование утрачивает свой важнейший исторический индикатор – владение культурой в широком смысле слова. Прагматизируясь в силу установок бюрократических лекал и в силу прагматического подхода к диплому как «поплавку» более высокого социального статуса, диплом утрачивает важнейшую функцию в обществе – повышения его культурного уровня, широты восприятия мира, человека и проблем общества. И это одно из существенных проявлений кризиса образования, на котором экономят, сохраняя и расширяя средства на иные, внеобразовательные, приоритеты.

Одна из смен приоритетов последнего времени, осуществляемая Россией, - дистанцирование от экономического сотрудничества с Западом в силу широкого спектра обстоятельств. Тут и неоправданные ожидания российских политических элит, надеявшихся на расширение преференций для себя в западном направлении, и недовольство Запада рядом законодательных ограничений, касающихся сферы гуманитарного сотрудничества, и попытки Европейского Союза изменить сложившееся геополитическое соотношение сил в Европе путем продвижения НАТО на Восток и включения Украины в орбиту своего экономического и технологического влияния. В качестве уравновешивающих шагов руководство России выбрало восточный вектор. Но здесь ждет нашу страну несговорчивость японцев по проблеме «северных территорий», подкрепленная прецедентом возвращения Крыма в Россию. Сложные экономические отношения с Индией, избирательно покупающей отдельные виды российской военной техники, причем эти покупки как

правило уравниваются сделками с США, Японией, Южной Кореей и рядом других стран. Зато кажется доступным китайский рынок для российских технологий двойного назначения. А российский рынок – для всевозможных проектов с участием китайских средств, машин и рабочей силы. Возникает как следствие возможность перехода сотрудничающих с Россией китайцев на русский язык и сотрудничающих с китайцами русских на китайский. Компромиссным вариантом на время может получить развитие коммуникации россиян и китайцев на английском языке, хотя качество фонетики каждого из партнеров нуждается в существенной модернизации для достижения устойчивого взаимопонимания. Аналогично и другие восточные языки получают импульс взаимодействия с русской культурой [2, с.39-43].

Китай, в отличие от России, не экономит на образовании в последние два десятилетия. Готова ли Россия сделать ответные шаги со своей стороны в том же направлении? Если да, то это потребует форсированного освоения не только технологий китайского происхождения. Но и постижения менталитета, психологических особенностей [3, с.24-26] китайских партнеров, число которых, как предполагается, будет возрастать на порядок в ближайшее 1-2 десятилетие. Пока же преподавание китайского языка в российских вузах не носит массового характера. И скорее всего не приобретет этот характер в ближайшее время. Можно, конечно, воспользоваться любезностью китайских партнеров и учиться китайскому в китайских вузах у китайских педагогов. Скорее всего, китайцы пойдут на развитие такого варианта, сопроводив его реализацию особыми условиями для своих позиций в сотрудничестве с российскими партнерами. И разумеется, среднестатистический российский студент не в состоянии за короткое время освоить объем знаний, преподаваемый ему на китайском. А значит, ряд творческих достижений китайской организации производства, науки и культуры останутся для него закрытыми. Или доступными в самых поверхностных срезях. То есть, образно говоря, китайский акцент наложится на российскую организацию и российские социально-психологические традиции.

Примечательно, что в большинстве российских вузов в контракте «эффективного работника» присутствует требование наличия публикаций, включенных в зарубежные рейтинговые научные издания, главным образом выполненные на английском языке. Последний ныне является как известно самым распространенным языком научного общения. Однако специфика развития японской и китайской науки в послевоенное время состояла в том, что фундаментальные научные исследования чаще осваивались учеными этих стран, чем являлись результатом собственных национальных школ. Или выполнялись в кооперации с американскими, израильскими, европейскими, российскими и другими учеными, опиравшимися на фундаментальные достижения, инициированные усилиями исследователей, работавших за пределами этих двух восточных стран. Между тем прикладные последствия фундаментальных разработок чрезвычайно успешно создавались на их национальной почве. В той мере, в какой эти прикладные исследования и технологии двойного назначения были коммерчески или военно-стратегически

востребованы, интерпретация их содержания и технологии функционирования всегда давалась избирательно, чтобы не усиливать потенциальных конкурентов собственными достижениями. А в определенных случаях и дезориентировать их. Параллельно в закрытом порядке создавались научно-технологические документы для служебного пользования. И, как правило, на японском, китайской, корейском языках, труднодоступных для многих специалистов соответствующих отраслей, работающих за пределами этих государств. То есть создавался достаточно жесткий фильтр, препятствующий освоению этих достижений без соответствующих договоренностей с соответствующими фирмами, а в определенных случаях – и с государством. В какой мере жесткость сепарации допущенных к этим закрытым и полужакрытым технологиям будет ослаблена в связи с разворотом России к партнерским отношениям с дальневосточными государствами? И как такое ослабление повлияет на изменение дидактики преподавания истории и методологии научно-технологической деятельности государств этого региона в российских вузах? В настоящее время нет однозначного ответа на поставленные вопросы. Но эффективность осуществляемой смены приоритетов в огромной степени будет зависеть от восточной модификации дидактических средств и приемов. Что откроет еще одну нишу дидактическим наработкам этих государств, сложившихся и столетиями развивавшихся на специфической национально-культурной почве. Адекватный перевод их секретов и достижений на русский язык и внедрение в систему российского преподавания представляется одной из сложнейших задач обеспечения долговременного эффекта переакцентировки партнерских усилий, осуществляемых в настоящее время на международной арене. Последствия их влияния в сентябре прошлого года публично обозначил ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий: «Придется учить китайский...».

Библиография

- MACHŮ, Eva a Hana ČERVINKOVÁ. Social Intelligence of Gifted Pupils. *The New Educational Review*, 2014, Vol. 37, No. 3. , pp. 130 – 139.
- Гуревич Т. М. Русский язык в Японии //Языки и культуры в современном мире: Материалы XI международной конференции. М. : НОПриЛ - 2014 – с. 39-43.
- Веденина Л. Г. Лингвострановедение в аспекте педагогики //Проблемы национальных характеров, менталитетов и их проявление в языке: XI Научно-методические чтения, июнь 2001 г: Тезисы / Дип. академия МИД России. – М., 2001. – С. 24-26.

V. Glagolev
/MGIMO/
Moscow
silvari@mail.ru

**CHANGING PRIORITIES OF RUSSIAN FOREIGN POLICY AND THE FIELD OF TRAINING
OF CREATIVE INDIVIDUALS**

Abstract. The article discusses a set of immediate, medium and long-term consequences of changing priorities of international cooperation for Russian middle and high school. Didactics as a theory of teaching, corresponding to these changes, focuses on a specific transformation of the national education system. Individual teaching methods and modern techniques of control are analyzed. Strengthening the "Eastern vector" of Russian education from the point of view of the general principles of its operation is also described.

Keywords. Principles of teaching, international cooperation, the Russian foreign policy and national education system.

